

Проводив без умолку болтавшего Тао Иня, Цяо Си заметил, что уже вечерело.

Пережив за день столько резких взлётов и падений, он всё ещё чувствовал тупую боль в голове. У него не было сил готовить ужин, поэтому он просто разогрел оставшийся с обеда рис. Поев и быстро умывшись, он сразу же лёг спать.

Взгляд Шэнь Игуана неотрывно следовал за ним. Несколько раз он порывался заговорить, но, видя измученное лицо Цяо Си, сдерживался и проглатывал слова.

Он слышал каждое слово, сказанное Тао Инем днём, почти не пропустив ни единого слога, и это затронуло что-то глубоко в его душе.

Подслушивать было нехорошо, но Шэнь Игуан привык быть настороже — он должен был опасаться каждого, кто приближался. Изначально он намеревался лишь оценить характер Тао Иня, но неожиданно услышал многое из прошлого.

Значит, Цяо Си тоже предали. В этом смысле они были родственными душами.

Единственная разница заключалась в том, что Шэнь Игуана предал старый друг, а Цяо Си был брошен тем, кого любил.

В народе говорили: «Праведники часто оказываются мясниками, а бессердечные — всегда учёными». Раньше Шэнь Игуан никогда не верил в это.

Хотя он был военным и часто находил манеры придворных чиновников невыносимыми, в глубине души он всё же уважал их.

Покойный император усердно наставлял, что гражданские и военные чиновники, хоть и идут разными путями, не питают друг к другу глубокой ненависти. Оба существуют ради блага государства, каждый выполняя свои обязанности. С древних времён стратеги разрабатывали планы, а воины защищали границы — одно не могло существовать без другого. Это равновесие и было основой мира и стабильности Великой Е.

Более того, у Шэнь Игуана было несколько друзей среди учёных, и большинство из них были людьми достойными. Особенно он восхищался теми, кто пробивался наверх собственными усилиями. Он никогда не разделял обычных предрассудков военных против учёных.

Но после того, как он услышал о несчастье Цяо Си из первых уст, в нём поднялся необъяснимый гнев, который он иррационально обрушил на всех учёных.

Кто же этот слепой, бессердечный дурак, этот Сюцай Хэ? Ему выпала удача получить безраздельную преданность Цяо Си, такого доброго и чистого человека, а он всё равно отвернулся от него из-за жадности и неверности. Мерзость! Каким бы талантливым он ни был, в конце концов, он всего лишь красивая оболочка, скрывающая гнилую сердцевину.

Тао Инь упомянул, что этот человек отправится в столицу для участия в императорских экзаменах в следующем году. Шэнь Игуан подумал про себя — если судьба позволит ему когда-нибудь пересечься с Сюцаем Хэ, он непременно...

Ярость клокотала в нём, и ему хотелось задушить того человека на месте.

Услышав ровное, глубокое дыхание с кровати, Шэнь Игуан убедился, что Цяо Си уснул. Только тогда он осмелился сделать несколько шагов ближе.

Солнце уже полностью зашло, и в комнате стало темно. Но, обладая отличным ночным зрением, Шэнь Игуан всё ещё видел ясно. Он долго вглядывался в спящее лицо Цяо Си.

В отличие от острого и хитрого выражения, которое он носил, будучи в сознании, во сне Цяо Си выглядел гораздо более покладистым. Его глаза были плотно закрыты, губы слегка приоткрыты, а руки аккуратно сложены на груди. Возможно, голова всё ещё болела — его брови были слегка нахмурены, обнажая уязвимость, которую он никогда не показывал другим. На это было почти душераздирающе смотреть.

Чем дольше Шэнь Игуан смотрел, тем краснее становились его уши.

Убедившись, что Цяо Си крепко спит, Шэнь Игуан бесшумно вышел из комнаты. Хотя его рана на ноге ещё не зажила, он больше не чувствовал той острой боли, что раньше. По крайней мере, он мог передвигаться самостоятельно.

Выйдя во двор, он сделал несколько глубоких вдохов свежего ночного воздуха, чтобы успокоить своё сердце. Затем он начал медленно выполнять комплекс боевых упражнений.

Сначала он двигался медленно, но постепенно набирал темп, и его движения становились всё более стремительными, подобно свирепому ветру, проносающемуся сквозь ущелье.

К тому времени, как лунный свет залил двор, его сердце наконец успокоилось.

Хотя рана на ноге ещё не зажила и всё ещё болела при движении, он приветствовал эту боль — она помогала ему вернуть ясность мысли.

Он напомнил себе о тяжком бремени, которое всё ещё нёс. Пожелания покойного императора остались невыполненными, будущее Великой Е было неопределённым, а наследный принц ещё не взойшёл на престол. Он не мог позволить себе отвлекаться на что-либо.

Иначе как бы он посмотрел в глаза покойному императору? Как бы он осмелился встретиться со своей погибшей семьёй в загробной жизни?

Он перебирал знакомые стойки, каждое движение плавно сменяя предыдущее. Выполнив последний удар, он медленно убрал ладонь и глубоко выдохнул. Лоб и спина уже были покрыты потом.

Луна стояла высоко в небе — уже была третья стража ночи.

Цэньэр уже давно умылся и спал рядом с Цяо Си. Во дворе было совершенно тихо, только Шэнь Игуан стоял там один.

Внезапно поднялся ветер.

Шэнь Игуан сразу почувствовал неладное. Затаив дыхание, он замер, выжидая.

Среди мастеров битва часто решалась в одно мгновение. Важнее мастерства было то, кто первым потеряет самообладание.

Холодное присутствие подкралось к нему сзади справа. Прихрамывая на раненую ногу, Шэнь Игуан быстро увернулся и нанёс мощный удар кулаком. Нападавший легко отбил его,

нейтрализовав удар за считанные мгновения.

Шэнь Игуан не удивился. Не колеблясь, он нанёс три удара подряд, вступив в стремительный обмен с таинственной фигурой.

При лунном свете их силуэты мелькали, словно призраки, сталкиваясь в маленьком дворе. Хотя их схватка была яростной, они не потревожили ни одной вещи — даже большого чёрного пса, мирно спавшего в углу.

После нескольких обменов ударами оба бойца поняли, что они равны по силе, и одновременно отступили.

Когда лунный свет наконец осветил лицо незнакомца, Шэнь Игуан не выказал удивления. Он просто смотрел на него.

Мужчина фыркнул, потирая ноющие ладони, и насмешливо сказал: «Я действительно старею».

Шэнь Игуан сжал губы. Хотя он не знал намерений мужчины, он почтительно сложил кулаки в приветствии и поклонился: «Благодарю вас, старший, за снисхождение».

«Снисхождение?» — фыркнул мужчина. «Если я не ровня тебе, значит, не ровня. Не нужны мне эти красивые слова».

Пока он говорил, его острые, как у орла, глаза внимательно разглядывали Шэнь Игуана.

«Я никогда не видел подобного стиля ни в одной боевой школе. Ты, должно быть, из императорских цепных собак, не так ли?»

Бойцы обычно свысока смотрели на тех, кто служил правительству. Его слова — «императорская цепная собака» — заставили Шэнь Игуана слегка измениться в лице.

«...У старшего острый глаз».

Мужчина снова фыркнул: «Если ты пёс при дворе, почему прячешься в такой маленькой деревушке?»

«Неужели ты совершил что-то постыдное?»

Шэнь Игуан, опасаясь, что шум разбудит Цяо Си, понизил голос и сказал: «Старший, я не злодей!»

«Просто... просто...»

Он долго открывал рот, но в конечном итоге не смог заставить себя раскрыть свою истинную цель. Хотя он смутно чувствовал, что дядя Цинь может быть не плохим человеком — судя по его боевому стилю, он, вероятно, происходил из уважаемой школы.

Но он не мог рисковать.

Видя его нерешительность, дядя Цинь нетерпеливо сказал: «Мне плевать на твоё прошлое! Я не хочу знать, что ты делал раньше и что планируешь делать в будущем — меня это не касается!»

«У Сяо Цяо доброе сердце, и он согласился приютить тебя, так что ты должен быть ещё более

благодарен. Если не хочешь втянуть его в беду, то, когда придёт время, ты должен уйти — не приноси ему проблем».

Сердце Шэнь Игуана сжалось, и он быстро сказал: «Старший!»

«У меня действительно есть трудности, о которых я не могу говорить, и я не намерен никого обременять... но у меня есть свои неизбежные причины».

«Если вы не верите мне, я могу поклясться! Я никогда не принесу беды Цяо Си в будущем. Если что-то случится, я уйду сам — я не стану создавать ему трудности!»

Говоря это, он опустился на колени и несколько раз поклонился, каждый удар головой о землю тяжело ложился на сердце дяди Циня.

Его искренность была неоспорима, но дядя Цинь не ответил. Вместо этого, как будто между прочим, он спросил: «У тебя, кажется, неплохие боевые навыки. Скажи-ка мне, кто был твоим учителем?»

Услышав внезапный вопрос о его боевых искусствах, Шэнь Игуан не посмел солгать, но и не мог сказать всей правды. Он тщательно подбирая слова и ответил: «Я изучал боевые искусства в своей семье с детства. Техники, которые я практикую, — наши собственные».

«Но если говорить о рукопашном бое, в детстве я несколько лет учился у странствующего мастера боевых искусств. Однако, к моему стыду, мой учитель был вольным человеком, приходил и уходил, как хотел. Он учил меня меньше полугода, а потом ушёл. Я знаю только, что его фамилия была Жуань — больше я о нём ничего не знаю».

Взгляд дяди Циня стал невероятно сложным. После долгого молчания он сказал: «Значит, ты можешь считаться его единственным учеником».

«...Что?» — Шэнь Игуан не понял смысла его слов и выглядел озадаченным.

Но дядя Цинь отказался объяснять дальше. Вместо этого он сказал: «Ради старого знакомого ты можешь пока остаться».

«Но я не позволю тебе оставаться надолго — максимум три месяца. После Нового года ты должен уйти».

С этими словами он не стал ждать, пока Шэнь Игуан заговорит. Одним прыжком он взмыл в воздух и исчез в мгновение ока.

Шэнь Игуан долго стоял один под луной. Только когда начал падать иней, он заметил холод. Час был поздним, и после того, как он истощил силы в схватке, на него навалилась усталость. Он зачерпнул холодной воды из бочки, чтобы умыться, затем зашёл внутрь, рухнул на кровать и мгновенно уснул.

На следующий день, когда Цяо Си проснулся, головная боль в основном прошла. Однако внезапная болезнь оставила его таким же пугливым, как испугнутая птица, и оставила глубокий психологический шрам. Опасаясь внезапного рецидива, он всегда держал при себе пузырёк с лекарством от доктора Линя.

Погода становилась холоднее, небо было пасмурным и хмурым, без проблеска солнечного света. Цяо Си предположил, что скоро пойдёт снег. Он решил сегодня никуда не ходить, а

остаться во дворе и заняться изготовлением временной будки для генерала Цяо.

В такую холодную ночь чёрному псу не оставалось ничего другого, кроме как спать на промёрзшей земле — это было довольно жалко. Цяо Си хотел обеспечить ему удобное убежище, чтобы пережить суровую зиму.

Теперь, когда Шэнь Игуан мог свободно передвигаться, он отказывался сидеть в доме. Он настоял на том, чтобы помочь. Хотя его мастерство было ужасным, по крайней мере он не всё портил, так что Цяо Си позволил ему остаться.

Украдкой несколько раз взглянув на Цяо Си, Шэнь Игуан почувствовал, что момент подходящий. Он прочистил горло и сказал:

«Как ты планируешь решать то дело...»

Цяо Си озадаченно посмотрел на него: «Какое?»

«Завтра снова придёт сборщик налогов. Ты подумал, что ему ответишь?» — напомнил Шэнь Игуан.

Услышав это, Цяо Си остолбенел, его руки замерли — он почти забыл об этом.

Думая о язвительном, злобном лице сборщика налогов, Цяо Си почувствовал, что головная боль возвращается. В гневе, и из-за разочарования тем, что Шэнь Саньлан разнёс его кухню, он действительно подумывал о том, чтобы выгнать их. Но теперь, когда он остыл, он чувствовал нежелание.

Конечно, он отказывался признать, что это просто мягкосердечие. Он говорил себе, что просто неудачное время — ведь до Нового года оставался всего месяц.

Для каждого человека в стране значение Нового года было огромным. Многие люди работали год за годом, ожидая только тех нескольких дней, когда они могли бы вернуться домой и воссоединиться с близкими.

Казалось, что с наступлением Нового года все обиды нужно отложить в сторону. О мести, долгах и борьбе за славу и богатство нужно было временно забыть. Все возвращались к своим семьям, празднуя вместе в тепле и радости.

У Шэнь Саньлана не осталось семьи, а Цэньэр был совсем маленьким. Если бы их выгнали в это время... даже если бы Цяо Си заставил себя не чувствовать вины, он не мог остановить свои мысли.

Когда в каждом доме взрывали петарды, встречая Новый год, где были бы эти двое? Бродили бы они по улицам, холодные и одинокие, прижимаясь друг к другу, чтобы пережить бесконечную ночь?

Поскольку он сам вкусил горечь невозможности воссоединиться, Цяо Си не мог заставить себя быть по-настоящему жестоким.

Видя его молчание, Шэнь Игуан подумал, что он серьёзно рассматривает возможность выгнать их. В панике он выпалил:

«Почему бы тебе... не выйти за меня замуж вместо этого?»

<http://bllate.org/book/17973/1728144>